

Глава 5

Ассасинский удар пришел бесшумно, молниеносно и свирепо.

Орёл и остальные, переждав первую волну шквального огня, немедленно перешли в контратаку; крики боли, смешанные с запахом крови, один за другим разносились по всему бару.

В последовавшем хаосе несколько пуль полетели по каверзным траекториям прямо в Чжао Цина — точно так же, как и в прошлой жизни.

Чжао Цин только что покончил с четырьмя врагами и, почуяв пулю со спины, с молниеносной реакцией увернулся, однако в самом конце движения — при подтягивании ноги — допустила лёгкая заминка.

Су Юэ, который неотрывно следил за ним, уловил подходящий момент и швырнул зажатый в руке кинжал, отбив пулю, которая должна была угодить Чжао Цину в ногу.

Мрачная история больше не повторится, и будущее Снежного Человека в конце концов изменится.

Су Юэ еще не успел толком распробовать удивительный вкус круговорота жизней и начала всего сначала, как в ушах внезапно посвистел ветер, и, подняв глаза, он увидел, как Чжао Цин бросается прямо на него.

Возможно, враги заметили, что кто-то сам выбросил оружие на поле боя, и сочли эту легкую добычу отличной возможностью, сосредоточив на них всю оставшуюся огневую мощь.

Су Юэ вполне успевал среагировать и спастись бегством, но сдвинуться с места он не успел — его уже прижали всем весом.

Су Юэ рассеянно осматривал поле боя, а его взгляд то и дело блуждал в сторону дивана.

Этот человек, как и всегда, держал спину прямо, во взгляде таился ледяной мрак, на лице не было никаких эмоций, а в голосе не звучало ни нотки чего-то необычного.

Когда Орёл и Павлин прибежали сюда, Су Юэ как раз медленно поднимался с пола.

Павлин бросил на него многозначительный взгляд и протянул: — Ну вот видишь, а ты говорил, что я всё придумываю. Сам подумай, такой лакомый и сочный кусочек мяса, как я, на дороге валяться не будет — днем с огнем не сыщешь.

Такая нечеловеческая выносливость... Кто бы мог подумать, что у него конституция тела, обладающая сверхчувствительностью к боли?

Су Юэ чувствовал, что ситуация, пожалуй, стала еще паршивее: мало того, что исход с простреленной ногой и хромотой Командира не изменился, так он теперь еще и остался должен этому человеку за спасение жизни.

— Это сквозное ранение, я уже сообщил Белому Голубю, чтобы выдвигался сюда, — присел на корточки Орёл, осматривая рану и оказывая Командиру первую помощь.

Зачистив поле боя, бойцы столпились вокруг Командира.

Су Юэ попытался отойти подальше, чтобы убавить свое присутствие, но заметил, что Чжао Цин неотрывно смотрит на него.

Такой разговор было не поддерживать.

Павлин: — ...

Чжао Цин протирал оружие в руках и произнес: — Куда спешить? Пусть еще немного поживут в страхе, желательно — согнав побольше отбросов в одно место, чтобы не приходилось рыскать повсюду.

Су Юэ беспомощно отозвался: — Пустячное дело, не бери в голову.

Орёл горько усмехнулся: — Командир, мы все еще в отпуске?

Всё шло совсем не по первоначальному плану! Ведь предполагалось использовать фактор внезапности и заставить Чжао Цина быть ему обязанным!

Су Юэ невольно почувствовал досаду: не заявлять же теперь, будто тот бросился на него из избыточного усердия, а пострадал по собственной глупости? Иначе через секунду в его висок упрется не огарок сигареты, а пуля.

Су Юэ невозмутимо ответил: — Ну что вы, прошу прощения, я больше предпочитаю пресную и безвкусную вареную курицу.

Даже когда Орёл промывал ему рану, останавливал кровотечение и накладывал повязку, лицо Чжао Цина оставалось совершенно беспристрастным — так, будто ничего особенного не произошло.

Павлин, спешно обыскивавший трупы, не забыл бросить стоявшему рядом мужчине: — Попугай, спасибо за помощь, но я всё равно не могу ответить тебе взаимностью, потому что мне тоже нравятся опытные.

Повалив парня набок, Чжао Цин ледяным взглядом окинул оставшихся врагов, вскинул пистолет и открыл стрельбу прямой наводкой — точность была абсолютной, ни единой осечки, и в мгновение ока исход боя был решен.

Орёл и Павлин понятия не имели, с какой стати Су Юэ выбросил тот кинжал, из-за чего они и попали под яростный массированный обстрел противника. Без веской причины подобное поведение на поле боя считалось серьезнейшим проступком.

Тем временем Чжао Цин сидел на единственном уцелевшем и устойчивом диване в баре, слегка приподняв свои узкие продолговатые глаза: — Пусть захватит с собой побольше людей, выясните, кто устроил засаду, и по окончании отпуска сравняйте их родную дыру с землей.

Молча подняв выброшенный кинжал, он перевел взгляд на Чжао Цина, левая голень которого пострадала от шальной пули.

Павлин исподтишка толкнул локтем остолбеневшего Попугая, всеми силами пытаясь подсказать беззвучными губами: — Быстро скажи Командиру спасибо, а затем послушно признай свою вину.

Орёл добродушно взял инициативу на себя, с улыбкой обратившись к нему: — Наверное, чувствуешь себя немного польщенным, раз тебя спас лично Командир?

Су Юэ слегка кивнул, отвечая как есть: — Освежает, мягко говоря.

Совершенно неожиданно.

Орёл тяжело хлопнул его по спине: — Не нервничай, меня Командир тоже спасал несколько раз. Тебе, парень, повезло, считай, вытащил счастливый билет с того света. Чего стоишь, иди скажи Командиру пару слов.

Су Юэ ничего не оставалось, как подойти и, опустив взгляд, произнести: — Спасибо, Командир, что спас меня.

Чжао Цин был готов подвесить этого парня за ноги и отходить ремнем, чтобы тот усвоил, что оружие — это его жизнь, а на поле боя всё меняется за доли секунды, и стоит лишь на миг потерять бдительность, как отправишься прямиком на тот свет.

Рисковать собственной жизнью ради чужой ноги — это что, жить надоело?

Он холодно констатировал факт: — Не за что, спасти тебя было моим долгом: ты выбросил оружие, чтобы прикрыть меня от пули.

Только теперь Павлин и Орёл поняли, что на то была причина, а значит, оплошность Попугая можно было простить — наоборот, он заслужил похвалу за защиту Командира.

Вскоре прибыл заместитель командира Белый Голубь с подкреплением и оперативно перевез Командира на ближайшую секретную точку, где была оборудована полностью укомплектованная медицинская палата.

Су Юэ вернулся вместе с ними в казармы этого убежища, но не успел он даже взяться за ручку двери, как Белый Голубь, только что закончивший операцию, схватил его за воротник и прижал спиной к стене у входа.

Заместитель командира наемного отряда «Темный ворон», позывной — Белый Голубь, настоящее имя — Сяо Тань.

В прошлой жизни этот преданный до мозга костей заместитель не дожил до событий двухлетней давности и не стал беспомощным свидетелем ареста Командира и последовавших за этим жестоких пыток, что для него самого было к лучшему.

Ведь в наемном отряде все прекрасно знали: Сяо Тань — фанатичный приверженец, безумный фанат и преданнейший адепт Командира.

Будучи высококлассным полевым врачом, он жил лишь ради одной-единственной цели: чтобы в будущем Чжао Цин смог в добром здравии и в полном порядке уйти в отставку, дожив до глубокой старости на заслуженном отдыхе.

Увидев на этот раз, что Командир ранен пулей и тяжело хромает на ногу, Сяо Тань пришел в ярость.

Он гневно отчитал его: — И это твоими-то силами ты защищал Командира?

Су Юэ бросил взгляд на его руки и небрежно бросил: — Ранения может получить каждый, погибнуть тоже может любой из нас. Мы здесь боремся за выживание, а не на прогулке сопровождаем кого-то.

Сяо Тань яростно выпалил: — Командир получил ранение, прикрывая тебя! Как у тебя язык поворачивается такое говорить?

Желая прекратить этот бессмысленный спор, Су Юэ оттолкнул его, поправил воротник и произнес: — Командир вообще привык лелеять меня, защищать и любить. Такое случается сплошь и рядом, неужто ты банально ревнуешь?

Сяо Тань предупредил его: — Су Юэ, твое прошлое покрыто мраком. Три года назад я выступал против твоего участия в отборе новичков, и если бы не острая нехватка людей в те дни, «Темный ворон» никогда бы тебя не принял. Советую вести себя тихо и не давать повода уличить тебя в темных делах.

Су Юэ устало вздохнул и покачал головой: — Замкомандира, а тебе никогда не говорили, что за такие слова можно и жизни лишиться? Ты ведь буквально провоцируешь меня устранить угрозу заблаговременно.

Сяо Тань криво ухмыльнулся: — Если у тебя хватит на это духу — можешь попробовать.

Су Юэ предпочитал не связываться с безумными докторами, опасаясь того дня, когда, лежа на больничной койке в ожидании помощи, он обнаружит, что доктор вошел в палату лишь для того, чтобы выдернуть шнур из розетки.

Только вот пока Чжао Цин был прикован к постели из-за хромоты, в этом убежище разразился настоящий мятеж, поднятый предателями.

Какая ирония: помимо него самого, шпиона, здесь нашелся и самый настоящий, чистокровный предатель, вошедший в сговор с другими наемниками ради устранения Чжао Цина и захвата власти.

Именно в этой беспорядочной схватке и погиб Сяо Тань — когда его тело нашли, все десять пальцев на обеих руках были отрублены: предатели пытались выбить из него информацию о том, где спрятан Чжао Цин.

Глядя на стоящего перед ним мужчину в белом халате и с темными кругами под глазами от недосыпа, Су Юэ внезапно задал вопрос: — Когда я только попал в отряд и проходил стажировку в твоём подразделении, среди бродяг-бойцов с темным прошлым было немало тех, чьей родословной никто не знал. Почему ты взъелся именно на меня?

Сяо Тань презрительно бросил: — Потому что ты отличался от остальных. С какой стати у действительно бездомного новичка вдруг появился собственный позывной?

Су Юэ нахмурился: — Позывной Попугай не был моим собственным, просто в «Темном вороне» у каждого положено иметь кодовое имя, вот я наспех и придумал его.

Сяо Тань понизил голос: — Так неужели нельзя было дожидаться перевода в основной состав? Обязательно было тащиться к Командиру сразу после боя и строчить на меня донос!

Су Юэ: — ...

Разве это не был вынужденный маневр на скорую руку, когда пуля чиркнула по шее, в момент

смертельной опасности, когда мозг лихорадочно рождает хоть какое-то оправдание?

Иначе что ему было сказать открывшему огонь Чжао Цину?

Приветствовать его словом «хай» и провожать стонами?

Сяо Тань кусал локти от досады: — Мне следовало отсеять тебя еще на первом этапе! Подумать только, ты прилюдно растоптал временный позывной, над которым я ломал голову ради вас.

Су Юэ засомневался: — Над тем позывным... ты правда ломал голову?

Сяо Тань: — Ты разнес в пух и прах и длину, и значение позывного, заявив, что он подрывает моральный дух всего подразделения! Это было плевок в душу и оскорблением моего тяжелого труда!

Су Юэ на мгновение замолчал: тогда его временным позывным, кажется, было «Цыплёнок номер три».

В команде Белого Голубя насчитывалось пятеро новичков, но до официального зачисления дожили лишь двое. В других отделениях статистика была еще мрачнее: где-то выжил всего один, а где-то не осталось никого.

Правда, Су Юэ и сам не ожидал, что после того нелепого оправдания Чжао Цин действительно отпустит его, ограничившись лишь взысканием за нарушение субординации и рапорт через голову.

Однако, хотя Чжао Цин не стал развивать эту тему дальше, он так и не объяснил причину стрельбы.

То была их первая встреча, и ее подоплека и истоки напоминали неразгаданную тайну, которая тянулась из прошлой жизни в эту.

Закончив разбираться с грозным Белым Голубем, Су Юэ получил зашифрованное личное сообщение.

Прочитав его, он тут же стер текст, немного подумал и решил следовать приказу — сегодня ночью навестить больничную палату.

Новости о ранении Чжао Цина всего за полдня долетели до Вооруженного отдела Империи Тяньсин, и, надо полагать, вскоре о них узнали бы и остальные фракции.

Поздней ночью Су Юэ с самым невинным видом отправил Командиру короткое сообщение, справляясь о его самочувствии и интересуясь, не требуется ли ночной сиделка.

Разумеется, ответ от Чжао Цина не заставил себя долго ждать — тот велел ему явиться немедленно.

Войдя в палату, Су Юэ увидел, что Чжао Цин полусидит на кровати, привалившись спиной к изголовью, и, судя по всему, лишь притворяется спящим.

Одна нога была аккуратно перевязана и зафиксирована шиной, из-за чего оставалась неподвижной, а вторая была небрежно согнута в колене; шелковый халат слегка распахнулся на поясе, обнажая рельефную кожу, которая казалась еще более фактической в мягком желтом свете ночника.

Помня о задании из полученного сообщения, Су Юэ должен был выяснить, насколько тяжела травма ноги Чжао Цина и есть ли у него другие ранения.

Стоило им убедиться, что Командир «Темного ворона» не в форме, как они тут же получали идеальный момент для удара.

Заперев дверь изнутри, Су Юэ привычным движением присел на край кровати и, испытывая почву, попытался просунуть руку под халат Чжао Цина — обычно подобные вольности не встречали отпора.

Даже когда Чжао Цин получал легкие ранения, он не препятствовал его заботе.

Но на сей раз Чжао Цин неожиданно открыл глаза и перехватил его руку.

Су Юэ с недоуменным видом поднял голову и, понизив голос, выдал дежурную фразу прожженного соблазнителя: — В чем дело? Я так переживаю, просто хотел обнять тебя.

В узких глазах Чжао Цина сверкнул ледяной блеск, и он с ехидной усмешкой произнес: — Обнять? Пресную и безвкусную вареную курицу?

Су Юэ: — ...

Ну надо же иметь такие чуткие уши, чтобы подслушивать даже шепотки за спиной у подчиненных.